

Валентин и Юлия
ГНАТЮК

СВЯТОСЛАВ

Возмужание

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г56

Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Гнатюк, Валентин.
Г56 Святослав. Возмужание / Валентин Гнатюк, Юлия Гнатюк. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Эксклюзивная история).

ISBN 978-5-17-186095-0

Перед вами первая книга трилогии о легендарном киевском князе Святославе Игоревиче. Трилогия представляет собой подробное жизнеописание князя и широкую панораму событий X века — переломной эпохи накануне крещения Руси, когда государство вело напряженную борьбу за место среди сильнейших держав раннего Средневековья. На страницах романа оживают сложные взаимоотношения Руси с Византией, Хазарией, Болгарией и другими государствами того времени. По словам Михаила Задорнова, авторы создали «очень честный и правильный образ Святослава как настоящего патриота и мудрого правителя, объединившего славян».

Первая книга посвящена юности Святослава — его возмужанию и обучению, становлению характера и качеств, позволивших ему войти в историю как великому воину и мудрому правителю.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186095-0

© Гнатюк В., Гнатюк Ю., текст
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

ОТ АВТОРОВ

Дорогой читатель!

Перед тобой открываются страницы романа-трилогии «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» о прославленном многими победами князе средневековой Руси Святославе Игоревиче.

Получилось так, что данная трилогия была написана раньше, чем романы о его отце Игоре, деде Рюрик и Олеге Вещем. Именно этот энергетически концентрированный образ Святослава Хороброго призвал извлечь из глубин исторической памяти его великих предков.

Прежде чем писать данную книгу, мы прошли стопами Святослава по гостеприимной и прекрасной болгарской земле, посетили заветные места, побеседовали с хранителями памяти — историками и учёными. Следует сказать, что Болгария помнит Святослава, и мы получили некоторые важные сведения о его пребывании в Великой Преславе. На основании реального святилища бога Загрея произведена реконструкция священного обряда.

Конечно, мы опирались на труды древних и современных летописцев: Геродота, Страбона, Плиния Старшего, свидетельства императора Константина VII Багрянородного и византийского хрониста Льва Дьякона, хроники Иоанна Скилицы, записи арабского путешественника Ибн-Хаукаля и арабского историка Яхьи Антиохийского, на ПВЛ (сохранившую тексты византийско-русских договоров), труды Б.А. Рыбакова, замечательную работу А. Сахарова «Дипломатия Святослава».

В романе приведены подлинные исторические свидетельства, — письма-послания князя Святослава и императора Иоанна Цимисхия друг к другу накануне Болгарской войны 970 года, надпись митрополита

Милитинского Иоанна на гробнице Никифора Фоки, надпись на Добруджанском камне, предположительно оставленная князем Игорем в Болгарии в 943 году, которая считается памятником древнейшей кириллической (русской) письменности.

Традиция использовать древние летописи, порой изменяя их и дополняя новыми сведениями, известна с незапамятных времён. Тот же Лев Диакон пользовался историческими трудами прошлого, испытал влияние, например, Агафия Миринейского, но, подобно другим византийским авторам, переосмысливая античность в духе христианства и превнося в неё цитаты из Ветхого и Нового Заветов.

Поэтому сцена встречи князя Святослава и императора Цимисхия описана им в привычных византийских традициях возвеличивания императора: на коне, в золотых доспехах, в окружении блистающей свиты, он снисходит к просьбе предводителя варваров, который, отличаясь от прочих только чистотой рубахи, сидит в лодке, к тому же сам гребёт вёслами.

Наша версия встречи иная, основанная на других источниках, а также принципах обеспечения безопасности князя в подобных условиях, учитывая особенности характера такой личности, как Иоанн Цимисхий.

Мы прослеживаем короткую, но яркую, как вспышка перуновой молнии, жизнь князя с его отрочества до гибели. Гибели загадочной и неоднозначной, впрочем, как и его предшественников — Игоря и Олега Вещего. Известно ни само место трагедии, ни его непосредственные организаторы. Странна и зимовка дружины князя в Белобережье, где они страдали от голода и «платили по полгривны серебром за конскую голову». Неужели дружина Святослава не могла, подобно Свенельду, уйти в Киев через степи либо, чего проще, вернуться на свою морскую базу в Керчи? К слову, ни Лев Диакон, ни иные историки не говорят о зимовке Святослава в Белобережье. Эту версию излагает только ПВЛ.

Однако известен иной факт — смерть некоего предводителя руссов в Бердаа в 944 году, когда русы полгода (или целый год) были окружены в крепости и страдали от болезней и голода. Именно там, будучи в полной

изоляции, они «платили по полгривны серебром за конскую голову».

Не мудрствуя лукаво, монахи-переписчики перенесли данное событие во времена Святослава. Подобным же образом факты крещения Руси Аскольдом при патриархе Фотии и византийском императоре Василии Македоняnine были перенесены во времена князя Владимира (спустя сто лет!), даже без изменения имён патриарха и императора, что породило неразрешимую загадку среди современных историков и исследователей.

Русские летописи сравнивают Святослава с «пардусом», то есть гепардом, самым быстрым сухопутным хищником. Именно таковы были стремительные и чаще всего неотвратимые атаки железного Святослава воинства, спянного отменной выучкой, слаженностью действий, отвагой и преданностью родной земле.

Противники, те же византийцы, именовали Святослава «воскрешшим Ахиллом».

Наиболее ёмкая характеристика, на наш взгляд, дана Б.А. Рыбаковым в его книге «Рождение Руси»: «Подводя итоги короткому, но блистательному княжению Святослава, мы видим, что он вовсе не был «безрассудным авантюристом», бродившим где попало по степям. Его волжско-хазарский поход был жизненно важен для молодого государства Руси, а его действия на Дунае и за Балканами были проявлением дружбы и солидарности с народом Болгарии, которому Святослав помогал отстаивать и свою столицу, и своего Царя, и политическую самостоятельность от посягательств Византии. Поражение Святослава было концом суверенной Болгарии, возродившейся только два столетия спустя.

По отношению к Руси вся стремительная деятельность Святослава не только не была невниманием к её интересам или неосознанным стремлением «охабить», пренебречь ею, но, наоборот, всё было рассчитано на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил. Важнейшая задача, состоявшая в обеспечении безопасности со стороны Хазарского каганата, была решена вполне успешно. Вторая задача — создание мирного торгового плацдарма на западном побережье Русского моря (в содружестве с Болгарией) — выполнена не была, так как здесь Руси противостояли

две значительные силы: Византия и Печенегия, раскинувшаяся по степям на «месяц конного пути».

Описываемый нами период невозможно понять и ощутить без объёмного видения, без той религиозно-философской основы, которая давала пращурам силы отстаивать свою независимость и торгово-дипломатическими путями, и в военных сражениях с многочисленными противниками.

И здесь нам посчастливилось работать с источниками больше духовного плана, многие из которых являются уникальными.

Есть такое древнее слово — «волшба», когда воедино сливаются знания и ощущения времени, когда вызванные из нави образы становятся зримыми и возникает непередаваемое чувство сопричастности, от которых пробуждается мысль и дрожит душа.

Итак, читатель, тебе выпала редкая удача стать соратником великого князя Святослава, пройти увлекательный курс славянского ведизма, ратного дела, альтернативной истории, получить некоторые сведения о вере и обычаях предков, прикоснуться к тайнам древних мистерий.

В добрый путь по тропам своей исторической и генетической памяти!

Валентин и Юлия Гнатюк

ПРЕДИСЛОВИЕ

После того как я прочитал этот роман, первая мысль, которая пришла на ум: надо бы в центре России, в Москве или в Питере, поставить достойный памятник этому верному служителю нашего Рода.

Память о Святославе сознательно уничтожалась на протяжении столетий. Зачем уничтожалась ранняя история Руси, мы все прекрасно понимаем. Рюрик, Олег, Игорь, Святослав — все они очень неудобные и не вписывающиеся в западную историю, в которой Руси и позже России отводилось место зависимой, не способной на самостоятельное развитие, варварской страны.

Конечно, эта книга может вызвать скандал в научной, а точнее говоря, в псевдонаучной среде. Ведь почти все древние летописи, дошедшие до наших дней, — это списки, сделанные нашими хроникёрами, в которых реальная история переврана в угоду византийскому христианству. Валентин и Юлия Гнатюк создали в своей книге очень честный и правильный образ Святослава как настоящего патриота и мудрого правителя, объединившего славян.

Я очень советую всем прочитать эту замечательную трилогию и наконец понять, какой бедой для Руси в своё время оказался Хазарский каганат, которым фактически уже тогда правили иудеи. Бесстрашная, независимая, сильная Русь вызывала зависть и бессильную злобу у правителей наших соседей, уже прогнувшихся под торгашей. Многие славянские народы обязаны Святославу жизнью и свободой. Именно Олег, Игорь и Святослав заставили Византию уважать Русь. А ведь Византия того времени — это, говоря современным языком, сверхдержава, оплот цивилизации и демократии.

История развивается по спирали. На очередном витке события повторяются. Меняются декорации, но суть

остаётся та же. Нужно ли говорить о том, как важно нам сегодня иметь правильную, неотформатированную память о своих великих предках?

Юлия и Валентин Гнатюк написали несколько интереснейших книг об истории Руси. Роман-трилогия «Святослав» — прекрасное продолжение этой большой работы. Благодаря тщательному подходу к историческим фактам, образному мышлению и уважению к нашему глубокому прошлому писателям удалось буквально проникнуть в эпоху Древней Руси и пройти по следам легендарного князя. Я считаю, что это лучший исторический роман о князе Святославе.

Описание природы, живые картины быта, ратного обучения и праздников дают ощущение полного присутствия в тот исторический период и сопричастности происходящему, и эта магия не отпускает до самого конца книги.

Трилогия «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» — прекрасный подарок читателю, любящему нашу историю, в которой сокрыты многие ключи и нынешнего, и грядущего!

Уверен, после прочтения вам захочется вернуться к более раннему периоду нашей истории и узнать о том, как начиналась Великая Русь при князе Рюрикe. Свою версию о Рюрике и его братьях мы изложили совместно с авторами в книге «Рюрик. Полёт Сокола». Будут и другие книги о том времени. Сейчас работаем над книгой об Олеге Вещем. Необходимо восстановить память. У кого нет прошлого — нет и будущего.

Михаил Задорнов

Часть первая
РУССКИЙ ПАРДУС

Глава первая ПРИХОД ВЕЛИКОГО ЯРА

Лета 6461 (953), Киев

Зима, студёная и снежная, всё не хотела уходить. И хотя слабело её холодное дыхание, ещё крепко держала в своих ледяных объятиях Непру-реку¹, и повсюду на полях лежало нетронутое белое покрывало.

Но вот сквозь морозную мглу с небесного свода выглянул Хорс, разогнал тучи и направил свой золотой воз по синей сварге в неизменный путь с восхода на закат.

Жаркие огнебожьи стрелы устремились к земле, рассыпались серебряными искрами по сутробам в полях и озарили стольный град Киев, стоящий на холмах у самой реки.

Заиграли весёлые лучи Хорса на заиндеветших, остро затёсаных брёвнях городской частокольной стены, на резных карнизах и коньках княжеского терема, заискрились в ледяных сосульках, свисающих с крыш гостевых дворов, домов темников, тысяцких и бояр, что раскинулись в самом центре, а также строений простых горожан на окраинах.

Заблестали лучи на обледенелых бородах и усах деревянных богов на Перуновой горе, скользнули по золотому кресту Ильинской церквушки, в которой служили христианские попы. Побежали-поскакали вниз, к Подолу, через крыши рукомысленников² — медников, кузнецов, гончаров, кожевников и прочего мастерового люда, и далее — к самому берегу, через большое Ратное поле — место сбора киевской дружины.

Всё выше поднимался Хорс, сильнее раскалялись его лучи, и всё чаще стали звенеть первые капли оттепели.

¹ Днепр (*древнеславянск.*).

² ремесленников (*древнеславянск.*).

Вскоре потекли ручейки, а потом и бурные потоки побежали, торопясь, по киевским улицам к Непре. Белый снег стал серым и рыхлым, разбрызгиваясь жидкой кашцей под ногами.

И не выдержал незаметно подточенный вешними водами лёд на реке — раздулся и лопнул её ледяной панцирь, как скорлупа прорастающего семени. Затрещали, тяжело заворочались огромные льдины-крыжины, ломая и круша друг друга, сбиваясь в кучи, подобно неразумным овнам, мешая прибывающей воде. Непра, а вместе с ней Почайна, не вмещаясь в русле, стали выходить из берегов, заливая Подол, Зелёный Яр и Житное Торжище. Разбушевавшаяся река выбрасывала там и сям на берег вместе со льдинами и мусором живых рыбин.

Как чаще всего бывает, большая вода пришла ночью, когда уставший от дневных трудов подольский люд крепко спал.

Жена кузнеца по прозвищу Молотило, её все так и называли — Молотилиха, пробудилась от громкого собачьего визга, временами переходящего в вой. Что там стряслось? Полусонная, она осторожно, чтобы не потревожить спящих дочь и мужа, опустила босые ноги с печи, и... невольно вскрикнула, когда кто-то холодными как лёд перстами схватил её за босые ступни. Она вмиг лишилась остатка сна, но ещё не сразу уразумела, что это не кто-то, а вода. Когда же поняла, то затрясла за плечо мужа:

— Проснись, скорее, Стоян, беда! Да просыпайся, наконец, Почайна уже в хате, а тебе хоть гром греми! — Сама тут же босая, простоволосая, пробежала по обжигающе холодной воде к двери, отыскала на ощупь сапоги, накинула кожух и кинулась собирать на скорую руку, что попадется, натываясь в темноте на лавы и углы стола.

— Что стряслось, Ганна, чего мечешься? — сонно проворчал кузнец, потирая лик тяжёлой дланью. Но как только ноги его вместо соломенной подстилки оказались в ледяной воде, он сам задвигался неожиданно проворно для его высокой сутулой фигуры. Молотило первым делом схватил с припечка несколько сушившихся там лучин, разгрёб голый рукой остатки пепла в печи, найдя несколько красноватых угольков, раздул их сильным своим дыханием и зажёл лучины. Опустил их в горшок, стоявший в глиняной миске с водой, а от одной зажёл

стоявшую посреди крепкого стола плошку — её кузнец сработал из узорчатой меди тогда ещё, когда родилась дочь. Плошка была сделана так, чтобы свет падал только на одну сторону, а если надо было выйти на улицу, то и вовсе прикрывалась колпачком, что не давало огню погаснуть даже на сильном ветру.

Во дворе послышались шум, голоса, визг пса усилился, а потом разом оборвался. Раздался громкий требовательный стук в дверь. Молотилиха, схватив лучину, выскочила в сени, отворила засов. Дверь распахнулась, и в горницу ввалились возбуждённые, с детьми и узлами, мокрые по пояс соседи, жилище которых стояло чуть ниже дома кузнеца.

— Всё, брат Молотило, проспали мы половодье! У нас вода уж выше пояса в горнице, мосток через овраг снесло, а в нём бурлит и клоочет, что в водовороте каком, с детьми не пройдем! — молвил седовласый златокузнец. — Твой дом на бугре, потому принимай!

— Берите плошку и лезьте наверх, живей! — скомандовал Молотило, подхватывая одной рукой дочь с тёплого ложа, а другой узел, что успела собрать жена. Разгоняя ногами воду, все поспешили в сени, откуда крепкая, поскрипывающая под тяжестью людей с поклажей лестница вела под крышу, где испуганно кудахтали потревоженные куры. Женщины и дети первыми взобрались на горище. Кузнец бережно передал сонно протирающую глаза девочку жене, а сам бросился во двор, открыл ворота хлева и едва успел поймать выплывающего оттуда поросёнка. Схватил перепуганную животину попарно за передние и задние ноги, легко взвалил на шею и понёс в сени, ловко поднявшись по лестнице, бросил на солому.

— А где пёс, неужто унесло беднягу?

— Здесь он, у дыма обсыхает, — ответил кто-то из внуков златокузнеца. — Мы его с цепипустили, как только к вам зашли.

Молотило помешкал мгновение и соскочил с лестницы в ледяную воду.

— Куда ты опять? — испугано воскликнула жена, но кузнец только молча махнул рукой. Через некоторое время он снова появился в широком проёме лаза с телушкой на плечах. Златокузнец со старшими сыновьями кинулись помогать соседу, потому что телушка вместе с кузнецом

застряли в лазе — и ни туда, ни сюда. После долгой возни перепуганное животное всё-таки удалось втащить наверх. Мужчины тяжело дышали. А внизу буйствовала полая вода, смывая могучими струями всё, что попадалось на пути, и было ей под силу сломать, унести, разрушить. Где-то у самой двери раздался сильный скрежет и удар, от которого бревенчатый дом весь содрогнулся. Дети со страхом прильнули к матерям, мужчины тревожно переглянулись.

— Большая крыга, видно, к нам стучится, только мы её не пустим, сруб у нас крепкий, а основа каменная, мой отец ещё ставил, — стараясь успокоить прильнувших друг к другу мокрых испуганных детей и женщин, промолвил Молотило. А про себя подумал, что ежели поднимется вода выше, то и впрямь может сдвинуть сруб, тем более что хлев, по всему, уже разбило, раз огромные льдины стучатся в стену дома.

Глухой скрежет и удары о стену повторялись, будто кто-то огромный и злой пытался разломать крепкий сруб, разнести его по брёвнышкам и завертеть, поглотить в жутком кашиве из воды, льда, обломков брёвен и домашнего скарба.

— Тату, а если водица до нас дойдёт, тогда на крышу полезем, да? — спросила шестилетняя дочь кузнеца, приглаживая его непокорные чёрные кудри.

— Не поднимется, Овсенушка, не поднимется, погуляет малость, водица вешняя, как твой татко в праздник, да и успокоится, — отвечал кузнец, пряча детские ручонки в своих огромных мозолистых, со следами многих ожогов ручищах.

— Если вода будет гулять, как твой татко, доченька, то не скоро мы отсюда спустимся, — не преминула съязвить Молотилиха.

Озябшие взрослые, согреваясь, зарылись в солому, а дети с превеликим любопытством и страхом следили через проём, как гуляла по Подолу вешняя, будто замелевшая от весны вода.

В ту ночь многие испуганные подоляне взобрались на крыши своих домов и сидели там, взывая о помощи. Бурная вода несла мимо всякий хлам, доски, солому, а иногда мёртвых кур, овец и свиней.

Семья кузнеца Молотило с соседями провели так остаток ночи и почти весь следующий день. Только

к вечеру на их дружные громкие крики подплыла одна из лодий, что по приказу княгини Ольги собирала людей. Одни дружинники налегали на вёсла, а другие расталкивали баграми с железными оконечниками льдины, которые хоть и не были уже такими грозными и буйными, как ночью, но всё ж препятствовали плаванию, да и запросто могли, ежели прозевают дружинники, борт лодии пропороть. Вначале в лодию спрыгнули два старших сына златокузнеца и помогли воинам принять детей и женщин. Молотило со златокузнецом Ермилой вошли последними. Пёс, поскуливая, глядел такими жалобными очами, что Овсена упростила взять его с собой.

Оказалось, что река Глубочица, Боричев поток и прочие притоки и ручейки так разлились, что вода дошла до самой Перуновой горы. Семьи Молотило и Ермилы, выйдя из спасшей их лодии, присоединились к другим беженцам, которые сидели на сухих улицах с узлами и пожитками, не зная, радоваться ли тому, что остались живы, или печалиться по залитым половодьем домам и амбарам. Плакали перепуганные дети, тяжело вздыхали старцы, на одном из тюков кричала роженица.

Воины княжеской дружины ходили меж пострадавших, раздавая им еду и питьё, разводили костры, чтобы люди могли согреться, обсушиться и приготовить горячее варево.

Все усердно молили богов, чтоб утихомирилась река, не поднимались выше её бурные воды, не чинили разорения.

Три дня и три ночи гуляла Непра, играя потоками, размывала и уносила всё, что попадалось на пути. Потом стала утихать и помалу возвращаться в берега.

Вслед за спадающей водой солнечные лучи быстро подсушивали улицы. Киевляне возвращались в свои дворы, сокрушались урону, причинённому рекой, горевали. Ещё бы не горевать, коли многие лишились жилья, потеряли скот, остались без припасов. Глиняные мазанки, попавшие под затопление, почти полностью размокли и развалились, обнажив отдельные рёбра жердей. Хлева да загоны были порушены, дворы и огороды перемешаны с песком, илом, мусором. Не всем удалось пережить нашествие воды, собрала она и жертву человеческую — одиннадцать подолян утопили. Печалились люди разорению великому, родичей да соседей погибших

оплакивали. Потом засучивали рукава и принимались отстраивать, подправлять, просушивать всё, что пострадало от половодья.

— Княгиня Ольга, пошли ей Сварог многие лета, велела дать из княжеских запасов крупы, муки и соли, — пояснил Подольский Тиун собравшимся по его зову уличным старейшинам, — распределите, чтоб никто обижен не был, особенно те, у кого ничего не осталось.

Вода отошла, и Молотило с женой и дочерью вернулись по скользкой дороге, ещё кое-где залитой большими и малыми лужами, к своему двору. Пёс Волчок, действительно окрасом похожий на волка, бежал впереди. Их встретили полураспахнутые ворота с одной разломанной створкой. Там и сям на улице понанесло целые горы ила вперемешку с песком, обломками досок и брёвен, которые оставила после разгула вешняя вода. Войдя во двор, ужаснулись ещё более — от добротной кузни осталось менее десятка венцов, остальные вместе с крышей и воротами унесло бурным потоком. Повсюду — кучи мусора и разного, неведь откуда принесённого хлама, охапки мокрого сена и соломы, какие-то бочонки и поломанные корзины. А среди всего этого разора важно выхаживали и плескались в лужах довольные гуси. Громко переговариваясь на своём гусином языке, они как ни в чём не бывало щипали обнажившуюся прошлогоднюю траву и старательно выискивали в лужах остатки рыбы, зерна и ещё чего-то только им известного. Волчок вдруг зло зарычал и, вздыбив шерсть на загривке, бросился с громким лаем к завалу брёвен, громоздившихся на месте курятника. Оттуда, опасливо озираясь на людей, выскочила лиса с мокрым трупом курицы в зубах и рыжей молнией метнулась прочь. Волчок кинулся за ней, но лиса ускользнула сквозь промоину под наклонившимся бревенчатым забором.

— Смотрите, — закричала Овсена, — а вон наша Ночка с поросёнком на горище, радуются, что мы вернулись! — Дочь кузнеца весело всплеснула руками и громко рассмеялась. Поросёнок с телушкой меж тем в два голоса бесперывно голосили с чердака.

— Так, у вас тут уже веселье, добре! — послышался сзади голос соседа-плотника. — И урон невелик, у нас вон, по самую крышу... Ну, ничего, живы все, и то слава богам! Соберёмся миром да восстановим всё, не первая